

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Л.П. Репина

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
СТРАТЕГИИ В РОССИЙСКОЙ
И МИРОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Препринт WP6/2008/06

Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
ГУ ВШЭ
2008

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

Р 41 **Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии:** Препринт WP6/2008/06. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 32 с.

Работа посвящена анализу радикальных трансформаций, которые произошли в теоретических основаниях, методологии и концептуальном аппарате исторической науки на рубеже XXI века. Изменения исследовательских стратегий новейшей историографии рассматриваются как результат плодотворного междисциплинарного взаимодействия в общем пространстве социогуманитарного знания. Автор оценивает познавательный потенциал новых теоретических моделей, стремящихся восстановить целостность исторического видения прошлого.

УДК 930
ББК 63

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>.

© Л.П. Репина, 2008
© Оформление. Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008

В каждую эпоху с изменением условий существования общества по-своему раскрываются природа и возможности человека, его отношения с окружающим миром, социальные взаимодействия, ценностные ориентации, познавательные приоритеты, ведущие тенденции в развитии культуры. На вызовы и кризисы, столь остро ощущаемые в период рубежа веков, формулируются и предлагаются обществу конструктивные «ответы», в том числе — новые образы культуры и новые модели интеллектуального опыта. Разительные перемены, произошедшие в мире за последние два десятилетия, преобразовали и пространство социогуманитарного знания, включая современную историографию, тенденции которой, как никогда, многообразны и неоднозначны. С невероятной быстротой продолжает расти корпус микроисторических исследований¹, и в то же время становятся все более интенсивными усилия по историческому осмыслению глобальных процессов. В новом контексте пересматривается и содержание таких привычных понятий, как «всемирная история» и «европейская история»². С учетом «культурного поворота», который пережила не только историография, но и общественные науки, в том числе социология³, обновляется методология компаративной истории, которая ориентируется на преодоление европоцентризма, акцентирование — наряду с обнаруживаемыми аналогиями — контрастов и различий, последовательный учет разнообразия локальных контекстов

¹ Наиболее развернутое обсуждение связанных с микроисторией теоретико-методологических проблем см. в сборнике «Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого» (Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М., 1999) и в альманахе «Казус: индивидуальное и уникальное в истории» (М., 1996—2007).

² К примеру, проф. Джон Гиллис в обобщающем докладе о состоянии изучения европейской истории в американских университетах констатировал неопределенность в ее дефиниции, во-первых, постольку, поскольку меняется сам облик Европы (прежде речь шла преимущественно о Западной Европе, а теперь «мы подразумеваем нечто одновременно более масштабное и более сложное»), и, во-вторых, поскольку изменяются отношения Европы с «остальным миром»: «она утратила свое центральное положение как в пространственном, так и в темпоральном измерении» и перестала служить «моделью» и «мерилом прогресса» (<http://www.historians.org/perspectives/issues/1996/9604/9604PRO.CFM>).

³ В частности, это обстоятельство побудило известного британского историка П. Берка поменять во втором издании название своей часто цитируемой книги «Социология и история» на «История и социальная теория»: было специально отмечено, что он использует термин «социальная теория», включая в него «теорию культур». См.: Burke P. *History and Social Theory. Second Edition.* Cambridge, 2005. Preface. P. IX—X.

и культурных традиций. Параллельно происходит переопределение внутридисциплинарной иерархии и множится богатство междисциплинарных связей исторической науки, как и усилия историков и представителей смежных наук по их осмыслению и оптимизации⁴.

1. Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ

Вот уже несколько десятилетий интердисциплинарность является неотъемлемой характеристикой социально-гуманитарных дисциплин. За это время в результате целого ряда «поворотов» и «революций» в интеллектуальной сфере многое изменилось в конфигурации междисциплинарного взаимодействия, в подходах к изучению прошлого, в концептуально-методологическом оснащении и в понимании предмета и статуса исторической науки. Систематический анализ разнообразных исследовательских практик, опирающихся на междисциплинарные подходы, и многочисленных теоретико-методологических дискуссий об эффективности и границах их применения в разных областях исторического знания показывает, что само понятие междисциплинарности, отражая смену эпистемологических ориентиров, также меняет свое содержательное наполнение. Современная история междисциплинарности может быть условно описана как транзит: от «интердисциплинарности» — через «поли-/мультидисциплинарность» — к «трандисциплинарности». При этом надо иметь в виду, что многочисленность терминов, употребляемых сегодня для обозначения взаимодействия наук, — вовсе не игра в слова, терминологические «эксперименты» отражают стремление исследователей обозначить важнейшие качественные отличия в применяемых ими подходах.

В самом конце XX века, когда история совершила свой очередной виток и в рамках социокультурного подхода была поставлена задача раскрыть культурный механизм социального взаимодействия, произошел перенос значения с «заповедных территорий» академических дисциплин на постановку и решение проблем, формулируемых, по существу, как трандисциплинарные: это проблемы, которые в принципе не могут быть

⁴ См., в частности, обсуждение этих проблем в книге: Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна» / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005. См. также: What is History Now? // Ed. by D. Cannadine. Chippenham and Eastbourne, 2002.

поставлены в ранее конституированных дисциплинарных границах, и последние в новой познавательной ситуации постепенно теряют свою прежнюю актуальность. В связи с этим можно говорить и о перспективе формирования новых над-дисциплинарных областей социогуманитарного знания⁵.

Так или иначе, совершенно очевидно, что многие выделившиеся было субдисциплины имеют общий теоретический, методологический и концептуальный арсенал, демонстрируют общее направление развития и различаются лишь по специальной предметной области, что в принципе создает предпосылки не только для плодотворного сотрудничества между разными внутридисциплинарными специализациями (как «старыми», так и теми, которые конституировались совсем недавно), но и для их последующей реинтеграции на новых эпистемологических основаниях.

Глобализация, неразрывно связанная с коммуникативными процессами, включая коммуникацию идей, поставила на повестку дня новые вопросы и для тех, кто занимается изучением аналогичных процессов в историческом измерении. Например, оказалось, что личностный и глобальный аспекты современной интеллектуальной истории имеют нечто существенно общее в своих теоретических основаниях — это, прежде всего, понимание социального контекста интеллектуальной деятельности как культурно-исторической ситуации, не только задающей условия, но и провоцирующей вызовы и проблемы, которые требуют своего разрешения⁶. Формирование в обществе новых ценностных ориентиров не только отражается на исходных предпосылках историка и постановке им научных проблем, но и во многом определяет результаты его познавательной и творческой деятельности. По меткому замечанию А. Про,

«...в конце концов историк создает тот тип истории, который требует от него общество; иначе оно от него отворачивается... Но с другой стороны, нет такого коллективного общественного проекта, который был бы возможен без исторического воспитания его участников и без исторического анализа проблем»⁷.

Не остаются незамеченными в современной историографии и те изменения, которые происходят в области общественно-исторического

⁵ Интересные соображения о рудиментах междисциплинарных границ см. в книге: Jordanova L. History in Practice. L., 2000. Ch. 3. P. 59—90.

⁶ Теоретическое обоснование и конкретно-исторические разработки этого направления исследования см. в коллективном труде: История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005.

⁷ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 318.

сознания, исторической эпистемологии и рефлексивной (научно-исследовательской, философской, социологической и т.д.) реконцептуализации самого исторического знания; трансформации познавательных возможностей самой исторической науки. По сути, речь сейчас идет о формировании нового исторического сознания, способного адекватно осмыслить свершившиеся и совершающиеся в мире перемены, критически преодолеть европоцентристскую перспективу, о создании в этом свете новой исторической культуры и нового образа исторической науки. В течение XX столетия многие социальные функции историографии — идентификационная, воспитательная, развлекательная — в условиях беспрецедентного разрастания пропасти между профессиональным и обыденным историческим сознанием были эффективно освоены массмедиа. Усугубило ситуацию распространение в околонучной исторической культуре постмодернистского лозунга «каждый сам себе историк». Принцип исторического исследования посредством критического изучения первоисточников ныне разделяется очень немногими за пределами профессиональной среды⁸.

Поэтому вполне закономерно, что тема общественного потенциала и роли исторической науки стала одной из ведущих в самосознании современной историографии. Как изменяется статус истории в системе научных дисциплин и какое место она занимает в иерархии ценностей современной культуры? Что происходит с функциями исторического знания в условиях все ускоряющихся социальных трансформаций? Как сказываются процессы глобализации и обеспечивающие их новые информационные технологии на структуре исторического знания и формах его презентации? Что дает история для решения наболевших вопросов существования людей в становящемся все теснее и все взрывоопаснее мире? И как могут быть «оправданы» (с точки зрения практической пользы) профессиональные занятия историей в глазах общественности? Обсуждение всех этих и связанных с ними вопросов занимает центральное место на страницах «новой волны» научных периодических изданий (в том числе электронных), основанных в начале нынешнего века (*Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*; *Historically Speaking*; *The Journal of the Historical Society*; *Historiein*; и др.)⁹.

⁸ В этой ситуации можно понять настойчивые и весьма негативные прогнозы относительно «выживания Клио» (см.: *Бойцов М.А.* Вперед к Геродоту // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2. М., 1999. С. 17—41; Он же. Выживет ли Клио при глобализации? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2006. С. 15—41).

⁹ См., например: *Megill A.* Are We Asking Too Much of History? // *Historically Speaking*. 2002. Vol. 3. № 4. См. также обсуждение этих проблем в книге: *Новый образ исторической*

Эти насущные проблемы осознаются ведущими историками, придерживающимися разных методологических парадигм (за исключением, быть может, тех радикальных идеологов, которые вообще отрицают концепцию научной истории в любом ее виде и ее роль в социуме, призывая «забыть об истории» и «обходиться без исторического сознания»)¹⁰. К дополнительной рефлексии побуждает тот все более очевидный для современной гуманитаристики факт, что историография была экспортирована в культуры, которые первоначально ее не имели, таким же образом, как христианство и капитализм, но совсем не так, как современные естественные науки¹¹. Сегодня уже общим местом стало признание как историчности самого понятия *науки*, так и факта одновременного «мирного сосуществования» различных концепций *научности*.

Для многих участников дискуссий становится все более очевидным, что сохранение за ремеслом историка достойного общественного статуса невозможно без осмысления всех последствий пройденных современными историко-гуманитарными науками «методологических поворотов», без создания новых теоретических моделей и восстановления синтезирующего потенциала исторического знания на новом уровне.

2. Поиски синтеза микро- и макроподходов в историографии

Характеризуя в целом ситуацию, сложившуюся в исторической науке на рубеже XX и XXI веков, как «историографическую революцию»¹², Б.Г. Могильницкий относит текущий момент к ее третьему этапу, услов-

науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005.

¹⁰ *Jenkins K.* Why History? Ethics and Postmodernity. L.; N. Y., 1999. P. 201, 203. См. также: *Jenkins K.* Rethinking History. L.; N. Y., 1992; Idem. On “What is History” From Carr and Elton to Rorty and White. L.; N. Y., 1995.

¹¹ См.: Интервью с Хейденом Уайтом // Диалог со временем. Вып. 14. М., 2005. С. 345—346.

¹² Само понятие «историографическая революция», отражающее радикальные перемены в предмете и методах исторической науки, было введено в конце 1980-х гг. выдающимся отечественным историком и методологом М.А. Баргом. См., в частности: *Барг М.А.* Человек — общество — история // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 45. См. также публикацию прений по докладом на известном международном коллоквиуме, проведенном в 1989 г. в Москве и посвященном юбилею «Анналов»: Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1993.

но обозначив предшествующие первый и второй этапы, соответственно, как объективистский (сциентистский), связанный «с широкими историко-социологическими построениями, увенчанными грандиозным опытом создания “глобальной истории”», и субъективистский (постмодернистский), озаменованный «поворотом к субъективности» и «“открытием” микроистории как ведущего жанра исторического исследования»¹³.

При всей условности такого разграничения, а тем более — констатации прямой связи постмодернизма и микроистории, имеющей в своем обширном «ассортименте» и явно сциентистские версии¹⁴, зафиксируем главное отличие двух последних этапов. На первом происходит сдвиг исследовательского интереса от макро- к микроанализу, от «глобального» к «индивидуальному», от структур большой длительности к социальной практике конкретных действующих лиц в конкретных жизненных ситуациях, и в целом доминирует тенденция «к первоочередному изучению относительно ограниченных по временному и пространственному протяжению ситуаций прошлого»¹⁵. Что касается текущего этапа, то его характеризуют интенсивные поиски интегральной, синтетической исследовательской модели, построенной на принципе взаимодополнительности микро- и макроисторического подходов¹⁶, как в теоретико-методологическом, так и в практическом плане.

Трудности такого синтеза четко осознавались некоторыми исследователями еще на рубеже 1970–80-х годов. Достаточно вспомнить емкую формулировку обозначившейся эпистемологической дилеммы в исполнении американского историка Дэвида Ливайна:

«Изучение истории требует от нас организовывать множества событий в хронологические последовательности и структуры..., которые

¹³ Могильницкий Б.Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М., 2004. С. 6.

¹⁴ Особенно ярко эта связь проявляется в конкретных исследованиях и теоретических работах Джованни Леви. См., например, его размышления об исследовательских процедурах микроистории и проблеме контекстуализации в статье: *Леви Дж.* К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 181–186.

¹⁵ *Бессмертный Ю.Л.* Как писать историю. Французская историография в 1994–1997 гг.: методологические веяния. М., 1998. С. 2.

¹⁶ Подробно об этом см.: *Репина Л.П.* Комбинационные возможности микро- и макроанализа: историографическая практика // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 61–88.

неизбежно и существенно отличаются от того, как они могли пониматься людьми прошлого. По существу, эта проблема подобна той, которая была поставлена Максом Планком и Вернером фон Гейзенбергом в попытке прийти к согласию с новым пониманием физического мира, когда общие теории оказались неспособными объяснить поведение микрочастиц. Здесь требуются два типа объяснения — каждое из которых зависит от типа задаваемых вопросов, причем каждый из этих способов исследования является “правильным” в своей части... Выяснение средних показателей дает возможность лучше осознать степень соответствия между общественными нормами и реальным поведением... Но сами по себе они не могут рассказать нам о том, как эти нормы интерпретировались индивидами... Только заглядывая за эти средние показатели и рассматривая способы, которыми социальные нормы инкорпорировались в повседневность, мы можем понять жизненный опыт людей прошлого»¹⁷.

Со временем многие сторонники микроисторических стратегий, то и дело сталкиваясь с необходимостью отвечать на ключевые вопросы: чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия индивида, как воспринималось расхождение между ними, насколько сильны и устойчивы были внешние факторы и внутренние импульсы, — отказались от понимания микро- и макроподходов как взаимоисключающих и от ложной альтернативы социального и культурного детерминизма, рисуящих индивидов как полностью формируемых социальными либо культурными факторами. Такой альтернативы нет, поскольку проблема, с которой сегодня сталкивается историк, состоит как раз в том, чтобы концептуализировать взаимодействия между индивидами и обществом, не только увидеть «большое в малом», но представить себе общность, не элиминируя индивидуальные качества составляющих ее элементов. Потребность реконтекстуализации микроисторических сюжетов, персональных и локальных ситуационных исследований (*case studies*) становится вполне осознанной¹⁸ и стимулирует поиски «связующего звена между микро и

¹⁷ *Levine D.* Tunnel Vision // *Theory and Society*. 1980. Vol. 9. № 5 (Problems in Social History: A Symposium). P. 677–678.

¹⁸ Речь идет, конечно, не обо всех разновидностях микроистории. В стороне от обозначенного движения остается самодовлеющий вариант микроисторических штудий, сторонники которого сознательно отвергают необходимость интеграции результатов *case studies* в макроисторический контекст. См., например: *Персональная история* / Под ред. Д.М. Володихина. М., 1999; *Володихин Д.М.* Две версии микроисторической платфор-

макро»¹⁹, разработку новых моделей сочетания микро- и макроистории, способных предложить адекватный интегрирующий подход к познанию прошлого. Естественно, что решение этой проблемы на основе принципа взаимодополнительности было бы абсолютно невозможным без качественного обновления теоретико-методологических оснований и концептуального аппарата самой макроистории.

Наиболее распространенные версии новой исследовательской парадигмы, которую иногда определяют как «неоклассическую»²⁰, опираются на концепции исторического развития, группирующиеся вокруг разных теорий «прагматического поворота», ориентированные на комбинацию микро- и макроанализа и включающие механизмы индивидуального выбора. Эти «теории практики»²¹ выводят на первый план действия исторических акторов в их локальных ситуациях, в контексте тех социальных структур, которые одновременно и создают возможности для действий, и ограничивают их.

Происходившее в историографии конца XX — начала XXI столетия движение в направлении новой концептуализации социально-исторической реальности опиралось главным образом на социологические теории 1980-х годов, которые были созданы в противовес концепциям постмодерна и анализировали организацию социальной жизни в комплексе взаимодействий ее локальных и интегральных составляющих, в первую очередь на «теорию структуризации» Энтони Гидденса²², согласно которой структурные свойства социальных систем являются одновременно и средством, и результатом практики, которую они организуют, поскольку структура предстает как совокупность «правил», «ресурсов» и «процедур» и реализуется только в процессе их применения — в повсед-

---

мы в отечественной историографии // Диалог со временем. Вып. 8. 2002. С. 445—447. Критику «экзистенциальных» и «изоляциянистских» моделей микроистории см.: *Репина Л.П.* Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем. Вып. 5. 2001. С. 5—12; *Румянцева М.Ф.* О двух микроисториях // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 5. Ставрополь, 2004. С. 6—14.

¹⁹ *Peltonen M.* Clues, Margins, and Monads: The Micro-Macro Link in Historical Research // *History and Theory*. 2001. Vol. 40. № 3. P. 347—359.

²⁰ См.: *Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005.

²¹ См.: *Revel J.* L'institution et le social // *Les formes de l'expérience: Une autre histoire sociale / Sous la dir. de Bernard Lepetit*. Paris, 1995; *Biernacki R.* Language and the Shift from Signs to Practice in Cultural Inquiry // *History and Theory*. 2000. Vol. 39. N 3. P. 289.

²² См.: *Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984.

невной социальной практике исторических акторов²³. Таким образом, именно практики, а не структуры, становятся отправным пунктом социально-исторического анализа, обогащенного «субъективной перспективой» действующих индивидов. Эта перспектива раскрывается в изучении совершаемых индивидами ментальных актов и применяемых ими интерпретационных схем — такое изучение акцентирует расхождения между культурно заданными значениями и индивидуальным, исторически обусловленным их употреблением.

В понимании культуры как непрерывного взаимодействия между общественной системой и практикой социальной жизни происходит переопределение и усложнение самого понятия «социального» и реабилитация социальной истории, прошедшей горнило лингвистического и культурного поворотов. Неофеноменологические и неогерменевтические подходы, разместившиеся под зонтиком «праксеологических теорий», сохраняют наиболее важные достижения постструктурализма, и одновременно возвращают историографию к давно апробированным исследованиям социокультурных условий, процессов, изменений и трансформаций²⁴.

Исследования сторонников «прагматического поворота» в современной историографии прямо ориентированы на синтез социальной и культурной истории, макро- и микроанализа, объяснения и понимания. При этом оказывается, что личностный и глобальный аспекты истории имеют нечто существенно общее в своих теоретических основаниях. Это, прежде всего, понимание социального контекста деятельности как ситуации, задающей не только условия, но вызовы и проблемы, которые требуют своего разрешения. Субъективность исторического актора (индивида или группы) во многом определяет результаты его деятельности, которая в конечном счете преобразует собственный контекст.

Здесь, однако, возникает трудноразрешимая методологическая проблема, которая была очень точно сформулирована в широко цитируемой редакционной статье «Анналов» 1988 года: «Как разграничить уровни наблюдения и определить модальности необходимого обобщения, поднимаясь от отдельного человека к группе и обществу в целом, от локально-

---

²³ Подробнее об этом см.: *Репина Л.П.* Проблема методологического синтеза и новые версии социальной истории // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М., 2004. С. 23—31.

²⁴ См.: *Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть 2 // Социальная история. Ежегодник 1998—1999. С. 7—38.

го к глобальному? И если двигаться в другом направлении, как создать условия для совмещения и сравнения результатов?»²⁵.

В связи с этим несомненный интерес представляет сетевая модель, предложенная и реализованная в исследовании глобальной истории интеллектуальных изменений американским социологом Рэндалфом Коллинзом. Для него локальная ситуация выступает как безусловно необходимая, отправная, но не конечная точка анализа:

«Микроситуация... проникает сквозь индивидуальное, и ее последствия распространяются вовне через социальные сети к макро- сколь угодно большого масштаба... Никакая локальная ситуация не является одиночной; ситуации окружают друг друга во времени и пространстве. Макроуровень общества должен быть понят не как слой, расположенный вертикально над микро- (как если бы он находился в другом месте), но как развертывание спирали микроситуаций. Микроситуации встроены в макропаттерны, являющиеся именно теми способами, которые связывают ситуации друг с другом; причинность, — если угодно деятельность (agency) — проистекает извне вовнутрь так же, как и изнутри вовне. То, что случается здесь и теперь, зависит от того, что случилось там и тогда. Мы можем понимать макроструктуры, не реифицируя (не овеществляя) их, как если бы они были сами по себе существующими объектами, но рассматривая макро- как динамику сетей, объединение цепочек локальных столкновений...»²⁶.

Остается, однако, неясным, как описать многомерную, лишённую доминантного вектора динамику социальной практики в традиционных формах исторического нарратива²⁷. Ведь подобная динамика — со сложными переплетениями разномасштабных действий, явлений и процессов и с необходимой для их анализа «игрой масштабов» — не может быть адекватно описана в линейной нарративной логике последовательных событий. Отсюда — «очевидный крах той идеи, что все прошлое может быть охвачено в рамках *одной*, официальной истории, так называемого “большого нарратива”, под который могут быть подведены остальные, “более мелкие нарративы”»²⁸. Многообразие исследовательских перспек-

тив приводит к многообразию создаваемых исторических нарративов. Результат может быть охарактеризован двояко: как «фрагментация» истории или как обогащение нашего понимания исторического прошлого. Ясно одно — идеал исторической когерентности в виде «большого», всеобъемлющего нарратива потерял свою актуальность для современной исторической науки.

3. Глобальная и компаративная история

На рубеже XX–XXI столетий, наряду с расцветом микроисторических исследований, вновь вырос интерес к исторической макроперспективе, ориентированной на изучение многообразных последствий развития глобальных взаимосвязей²⁹. Если микроисторическая исследовательская модель предполагала критику «классической» национальной истории «снизу» — на материале изучения индивидов и локальных сообществ, также рассматриваемых как индивиды, то новая макроисторическая модель вновь обратила взоры специалистов к надындивидуальному измерению истории. Однако при этом современная макроистория минует классическую проблематику национально-государственных общностей и идентичностей, сразу выходя на уровень взаимодействия локальных контекстов и глобальной среды. В последние годы растет число ученых, которые разрабатывают новые модели так называемой «международной» (а точнее — «транснациональной») и глобальной истории, и соответственно — растет корпус эмпирических исследований и объем концептуально-методологических работ, преодолевающих ограниченные горизонты историй отдельных национальных государств.

Так называемая национальная, или точнее — национально-государственная, история в современной критике обычно отождествляется с «макронарративом» и, как правило, связывается с национализмом, стремлением закрепить идею нации, поместив ее в долговременную историческую перспективу, с «культивацией национальной идентичности»³⁰. Одновременно «универсальная история» в авторитетной «Энциклопедии

²⁵ «Анналы» на рубеже веков. Антология / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 2002. С. 12—13.

²⁶ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 67.

²⁷ См.: Practicing History: New Directions in Historical Writing after the Linguistic Turn / Ed. by G.M. Spiegel. N. Y.; L., 2005. Introduction. P. 1—31 (P. 25).

²⁸ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 461.

²⁹ См., например: Globalisation in World History / Ed. by G. Anthony, L. Hopkins. 2002; Rethinking American History in a Global Age / Ed. by P. Bender. Berkeley, 2002; Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871—1914 / Hg. S. Conrad, J. Osterhammel. Göttingen, 2004).

³⁰ См., например: Encyclopedia of Historians and Historical Writing / Ed. by K. Boyd. L.; Chicago, 1999. Vol. 2. P. 856.

историков и историописания» рассматривается в своем старом обличье — как идея единой истории всего человечества в многовековой западной философской традиции, пошатнувшейся только в XX столетии. С этой точки зрения «всемирная история» противопоставляется в позитивном плане (как основанная на простых сопоставлениях истории разных стран и народов) истории всеобщей, принципиально универсалистской³¹, опирающейся на ту или иную из многочисленных линейно-стадиальных теорий исторического процесса.

Что касается глобальной истории, или «мировой истории» (world history), имеющей относительно недавнее происхождение³², то она характеризуется как «подлинно аналитическая», противостоящая идеологизированным телеологическим версиям, «связная» и «целостная история», и ассоциируется с «развитием более интернациональной [подразумевается, не-европоцентристской, “постколониальной”, диалогичной, учитывающей “взгляд с периферии”, т.е. позицию другой стороны. — Л. Р.] ориентации». Подчеркивается, что эта история — «больше, чем сумма частных историй»³³ (в том числе национальных³⁴ и региональных³⁵) и направлена она не на познание неких общих принципов или смысла истории, а на описание событий и сравнительный анализ процессов.

Итак, в ходе осмысления последствий глобализации в современном мире сформировалась новая научная дисциплина — глобальная история, опирающаяся на представление о структурной когерентности мирового исторического процесса и взаимозависимости всех его локальных акторов. Одним из наиболее заметных проявлений интеллектуаль-

³¹ Encyclopedia of Historians and Historical Writing / Ed. by K. Boyd. L.; Chicago, 1999. Vol. 2. P. 1244—1245.

³² Подробно о концепциях мировой истории в историографии XX века см.: Bentley J. H. Shapes of World History in Twentieth-Century Scholarship. Washington, 1996. Обсуждению современных концепций мировой истории был посвящен специальный тематический выпуск международного журнала «История и теория»: Theme Issue 34: World Historians and Their Critics // History and Theory. 1995. Vol. 34. № 2.

³³ Ibid. P. 1330.

³⁴ Специально подчеркивается способность глобальной истории предложить альтернативу «героическим национальным нарративам» традиционной историографии. См., в частности: Conceptualizing Global History... P. 245.

³⁵ Впрочем, сегодня отчетливо проявляется тенденция перевести обсуждение перспектив и проблематики региональной истории в иные плоскости: например, в контекст более специализированной интеллектуальной традиции историко-географических исследований или так называемой географической истории, изучающей пространственную сторону исторического процесса. См., в частности: Baker A.R.H. Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge; N. Y., 2003.

ной реакции на глобализацию стал бурный рост исторических исследований, посвященных ставшим сегодня наиболее острыми мировым социальным проблемам, таким, например, как проблема миграций или мобилизующей роли этнического самосознания. Вполне естественно, что эти и подобные, в прямом смысле глобальные, проблемы оказались в фокусе внимания международных конгрессов исторических наук и других крупнейших научных форумов³⁶. Создаются новые учебные программы, возникают специальные периодические издания (в том числе и электронные), постепенно формируется международное научное сообщество, в рамках которого ведутся оживленные дискуссии, стимулирующие развитие нового направления. В 2007 г. Ассоциация мировой истории провела свою уже шестнадцатую ежегодную конференцию, причем под знаменательным названием «Раздвигая горизонты, сметая границы: макро и микро в мировой истории»³⁷, а 8—9 февраля 2008 г. в Гарварде «глобальные историки» впервые собрались на специальный научный форум, посвященный глобальной истории под девизом «Global History, Globally»³⁸.

В настоящее время речь идет не о том первоначальном понимании глобальной истории, которое было — в совершенно иной социокультурной и интеллектуальной ситуации — введено в научный оборот Фернандо Броделем. Глобальное видение истории в интерпретации Броделя было прежде всего направлено на объяснение развития общества как сложной системы в единстве, взаимосвязи и взаимодействии составляющих его групп и подсистем (экономической, социальной, политической, культурной)³⁹, хотя, конечно, нельзя упускать из виду и другой существенный аспект его глобализирующего подхода — расширение исследуемого пространства за пределы национальных границ. Много позднее Морис Эмар, защищая оптимистический взгляд на «кризис истории» 1990-х годов, констатировал:

³⁶ Подробно об этом см.: Репина Л. П. Историческая наука и современное общество // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2005. С. 3—19.

³⁷ См.: <http://www.thewha.org>, а также программу конференции на сайте: <http://worldhistoryconnected.press.uiuc.edu>.

³⁸ См.: http://www.wcfia.harvard.edu/conferences/08_global_history/overview.

³⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 2. С. 462—463. Подробно об этом см.: Введение. Междисциплинарный синтез в изучении модернизационных процессов. Опыт Ф. Броделя // Полидисциплинарные технологии исследования модернизационных процессов / Под ред. Б. Г. Могильницкого, И. Ю. Николаевой. Томск, 2005. С. 6—19.

«История — это не все, но все является историей или, по крайней мере, может ею стать, лишь бы были определены объекты анализа, поставлены вопросы и идентифицированы источники, которые позволят угадать начало ответа. Но объекты исследования, так же как и поставленные вопросы, все дальше и дальше выходят за пространственные и временные рамки какого-либо государства или прежде считавшегося замкнутым исторического периода, требуя от нас выхода на иные смысловые уровни»⁴⁰.

Принципиальный контекстуализм, способный обеспечить выход за пределы привычных административных и национальных границ и европоцентристских ограничений, за рамки «имперского» и «колониального» дискурса, выступает как насущная задача исторической науки XXI века и признается в качестве таковой в зарубежной и российской историографии.

Конечно, глобальная и мировая история сегодня — это не коллекция национальных и региональных нарративов. Сторонники новых макроисторических подходов имеют разные точки зрения по многим методологическим и другим вопросам, включая периодизацию мировой истории, баланс между западными и незападными обществами в разные периоды истории, соотношение между глобальной историей и региональными или национальными историями, но сходятся в понимании насущной необходимости особой формы истории для исследования глобальных процессов в их исторической ретроспективе.

Становление глобальной/транснациональной истории в ее современном варианте опирается на общие процессы в интеллектуальной сфере, связанные с утверждением «постнеклассической» научной парадигмы, и отражает развитие интеллектуальной традиции, в которой принцип целостности сочетается с учетом различий и многообразия. Постнеклассическая ситуация в современном естествознании стимулировала появление новых макроисторических парадигм, включая развитие универсального, или глобального эволюционизма, а также новой концепции универсальной истории человечества, которая отражает наметившийся синтез гуманитарного и естественнонаучного знания — альтернативу мнимой универсальности постмодернизма. «Большая история» призвана выявлять закономерности в масштабе трех уровней — человечества,

⁴⁰ Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 19.

планеты и вселенной⁴¹. Как считают некоторые энтузиасты, новая универсальная история может стать той теоретической платформой, которая объединит в себе все предыдущие исторические концепции, поскольку «предметное поле нового направления неимоверно широко» и в новом направлении, олицетворяющем собой междисциплинарный синтез, «найдется место макро- и микроистории, постмодернизму и модернизму, постструктурализму и структурализму и т. д.»⁴²

Однако сколь бы важным ни было значение новой концепции «универсальной истории» как поля междисциплинарного синтеза, эта теория, ориентированная на преодоление барьеров между гуманитарным и естественнонаучным знанием, отнюдь не исчерпывает номенклатуру современных версий макроисторического анализа и — более того — не занимает среди них центрального места. Преобладают менее амбициозные варианты «глобальной», «мировой», «межнациональной» истории, причем сами эти термины, как и аналитический багаж «новой всемирной» и «новой глобальной» истории (то противопоставляемых друг другу, то воспринимаемых в тандеме), вызывают бурные споры⁴³.

⁴¹ См., в частности: *Christian D.* “Maps of Time”: An Introduction to “Big History”. Berkeley, 2004; *Idem.* Science in the Mirror of ‘Big History’ // *The Changing Image of the Sciences* / Ed. by I.H. Stamhuis, T. Koetsier, C. de Pater, A. van Helden. Lancaster, 2002; *Idem.* World History in Context // *Journal of World History*. 2003. Vol. 14. № 4. P. 437–458.

⁴² *Высокова В.В., Сосновский М.А.* Универсальная история в современной историографии // *Диалог со временем*. 2007. Вып. 18. С. 186.

⁴³ См., в частности: *Kossock M.* From Universal to Global History // *Conceptualizing Global History* / Ed. by B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder, 1993. P. 93–112; *Haines B.H.* The Contradiction of World History (Paper presented at New England Regional World History Association conference, April 23, 1994) // <http://www.hartford-hwp.com/archives/10/039.html>; *Geyer M., Bright Ch.* World History in a Global Age // *American Historical Review*. 1995. Vol. 100. № 4. P. 1034–1060; *Bentley J.H.* Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History // *American Historical Review*. 1996. Vol. 101. № 3. P. 749–770 (cp.: *Bentley J.H.* *The New World History* // *A Companion to Western Historical Thought* / Ed. by L. Kramer, S. Maza. Oxford, 2002. P. 393–416); *Between National Histories and Global History* / Ed. by S. Tønneson et al. Helsingfors, 1997; *Mazlish B.* Comparing Global History to World History // *Journal of Interdisciplinary History*. 1998. Vol. 28. № 3. P. 385–396; *Internationale Geschichte. Themen — Ergebnisse — Aussichten* / Hg. W. Loth, J. Osterhammel. München, 2000; *Perspectives on Global History: Concepts and Methodology: a) Is Universal History Possible; b) Cultural Encounters Between the Continents Over the Centuries* // *Proceedings Acts. 19th International Congress of Historical Sciences*. Oslo, 2000. P. 3–52; *Across Cultural Borders. Historiography in a Global Perspective* / Eds. E. Fuchs, B. Stuchtey. Lanham, 2002; *Writing World History 1800–2000* / Eds. by E. Fuchs, B. Stuchtey. Oxford; N.Y., 2003; *Manning P.* *Navigating World History. Historians Create a Global Past*. N.Y., 2003; *World Civilizations: The Global Experience* / Eds. by P.N. Stearns et al. 2 vol. N.Y., 2000–2003; *Stearns P.N.* *Western Civilization in World History*. N.Y., 2003; *Traditions and Encounters. A Global Perspective on the Past* / Eds.

Глобальная история представляет собой попытку на новом теоретическом уровне вернуться от микроисторической оптики к масштабному, интегрирующему взгляду на историю, охватить человечество как некую структуру в развитии взаимосвязей ее отдельных частей. Глобальная история может быть понята и как осмысление процесса мировой интеграции, исторического движения к более взаимосвязанному мировому порядку и объединенной мировой культуре, характеризуемой в идеале как живое взаимодействие локальных и национальных культур⁴⁴. Предмет глобальной истории — это именно взаимосвязи, экономические, политические и культурные, между различными странами и цивилизациями.

Аргументация современных пропагандистов глобальной истории удивительным образом перекликается с тем, что выдающийся российский ученый Н.И. Кареев, констатировавший «постепенное объединение судеб отдельных стран и народов», более века назад описывал как «всемирно-историческую точку зрения».

«Всемирная история не есть только сумма частных историй, т.е. историй отдельных стран и народов. Смотреть на историю человечества таким образом мы имели бы право только в том случае, если бы жизнь каждой страны, каждого народа протекала совершенно обособленно, вне какой бы то ни было связи с историей других стран, других народов. Всякому известно, что в настоящее время нет ни одного почти уголка заселенной земли, который так или иначе, в той или другой мере не испытывал бы на себе влияния со стороны того, что происходит в других местах, и что сближение между наиболее отдаленными одна от другой странами, один от другого народами делается все более и более тесным... С этой точки зрения всемирная история и является перед нами как процесс постепенного установления политических, экономических и культурных взаимоотношений между

---

by J. Bentley, H.F. Ziegler. Boston, 2003; *Osterhammel J., Petersson N.P.* Geschichte der Globalisierung. Dimensionen, Prozesse, Epochen. München, 2003; *Bayly C.* The Birth of the Modern World, 1780—1914: Global Connections and Comparisons. Malden (Mass.); Oxford, 2004; Palgrave Advances in World Histories / Ed. by M. Hughes-Warrington. Basingstoke, 2005; *Pernau M.* Global History. Wegbereiter für einen neuen Kolonialismus? (<http://geschichte-transnational.clio-online.net/forum>); *Hughes-Warrington M.* World History and World Histories // World History Connected. 2006. Vol. 3. № 3 (<http://worldhistoryconnected.press.uiuc.edu/3.3.html>); *O'Brien P.K.* Historical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History // Journal of Global History. 2006. Vol. 1. № 1. P. 3—39; *Sachsenmaier D.* World History as Ecumenical History? // Journal of World History. 2007. Vol. 18. № 4. P. 465—490.

⁴⁴ *Fält O.K.* Global History, Cultural Encounters and Images // Between National Histories and Global History. P. 59.

населениями отдельных стран, т.е. процесс постепенного объединения человечества, расширения и углубления связей, мало-помалу образующихся между разными странами и народами. В этом процессе каждая отдельная часть человечества, им захватываемая, все более и более начинает жить двойною жизнью, т.е. жизнью своею собственною, местною и особою, и жизнью общею, универсальною, состоящею, с одной стороны, в том или ином участии в делах других народов, а с другой — в испытывании разнородных влияний, идущих от этих других народов. То, что касается только самого народа, есть, так сказать, его частное достояние, и всемирная история человечества, конечно, есть прежде всего сумма таких частных историй, но она получает право на наименование всемирной истории лишь постольку, поскольку судьбы отдельных народов переплетаются между собою, один народ оказывает на другой то или иное влияние, между народами устанавливается известная историческая преемственность, и таким образом над суммою частных историй возникает общая, универсальная, всемирная»⁴⁵.

Сегодня многие специалисты считают, что не следует противопоставлять друг другу синонимичные, по сути дела, термины «мировая» и «глобальная» история, и в конструировании «генеалогии» глобальной истории обращаются к имеющейся в историографии традиции и длинной череде авторитетов, включая и непосредственных предшественников этого направления⁴⁶. В этом плане весьма интересен представленный активным сторонником «новой компаративной истории» Ю. Остерхаммелом анализ «космополитической перспективы» сравнительной истории цивилизаций XVIII века, утраченной в профессиональной историографии XIX столетия — века европоцентристских *национально-государственных и имперских* («колониалистских», или «ориенталистских») историй⁴⁷.

---

⁴⁵ *Кареев Н.И.* Общий ход всемирной истории. СПб., 1903. С. 5—7.

⁴⁶ *Crosby A.W.* Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900—1900. Cambridge, 1983; *Wolf E.* Europe and the People without History. Berkeley, 1983; *Curtin P.D.* Cross-Cultural Trade in World History. Cambridge, 1984; *Parker G.* The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500—1800. Cambridge, 1988; *Adas M.* Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance. Ithaca, 1989; *Pacey A.* Technology in World Civilization: A Thousand-Year History. Oxford, 1990; etc.

⁴⁷ *Osterhammel J.* Geschichtswissenschaft Jenseits des Nationalstaats: Studien zu Beziehungsgeschichte und Zivilisationsvergleich. Göttingen, 2001. Очень точно охарактеризовал пафос академической истории конца XIX века **Франсуа Фюре**: «История стала генеало-

Однако в современной ситуации в историографии пересматриваются и такие, казалось бы привычные, понятия, как «всемирная (мировая) история», «европейская история», «региональная история» и даже «компаративная история», активно обсуждается вопрос о соотношении глобальной истории и цивилизационного анализа, который делает упор на разнообразие и уникальность локальных цивилизаций. Речь, конечно, не идет об универсальной теории исторического процесса. Современное понимание глобальной истории вовсе не исключает, а — напротив — подразумевает наличие множества локальных вариантов и траекторий развития и далеко ушло от линейных и европоцентристских в своей основе обобщающих схем в духе христианского универсализма и классических модернизационных теорий.

В связи с процессом так называемой «глокализации» или «глобальной локализации» (речь идет о процессе регионализации, который сопровождает и — более того — является непосредственной реакцией на глобализационные процессы) чрезвычайно актуальной и критически важной задачей становится разработка проблемы диалога культур и цивилизаций в ее историческом измерении. С учетом «культурного поворота», который пережила не только историография, но и общественные науки, обновляются теоретические основания компаративной истории, прежде ориентированной на методы исторической социологии. Поиск современного взгляда на бесконечное разнообразие исторического опыта, актуализируя сравнительно-исторические исследования, формирует новую стратегию компаративной истории, которая связана не с де-контекстуализацией сходных явлений в рамках универсалистской, или же эволюционной (европоцентристской, по своей сути) парадигмы, а с преодолением европоцентризма, с акцентированием — наряду с обнаруживаемыми аналогиями — контрастов и различий, с последовательным учетом разнообразия локальных контекстов и культурных традиций. (Равным образом эта задача ставится в образовательной практике. Споры идут вокруг вопроса о том, как сделать традиционный курс по истории западной цивилизации в американских университетах более совместимым с учебным курсом мировой истории, в котором реализуется новый подход.)⁴⁸

гическим древом европейских наций и цивилизации, которую они породили» (Furet F. In the Workshop of History. Chicago; London, 1984. P. 98).

⁴⁸ См.: Knowing, Teaching and Learning History. National and International Perspectives / Eds. by P.N. Stearns, P. Seixas, S. Winebur. N.Y., 2002; Stearns P.N. Western Civilization and World History. N.Y.; London, 2003; Idem. American Students and Global Issues // World History Connected. 2007. Vol. 4. № 2.

В связи с этим пространственно-темпоральные перспективы «новой локальной истории» в ее социокультурном наполнении, встраиваясь в сетевую структуру глобальной истории, обретают новый эвристический потенциал. Знаменательно, в частности, само недавнее возникновение термина «перекрестная» или «переплетенная история», призванного обозначить новую парадигму, которая в отличие от традиционной компаративной истории, работающей в режиме синхронии⁴⁹, отдает приоритет изучению динамики межкультурных интеракций (как между разными обществами, странами, регионами, так и между интеллектуальными традициями и научными дисциплинами)⁵⁰. Параллельно и иногда альтернативно употребляются и обсуждаются другие близкие по содержанию понятия, прежде всего так называемая «связанная история»⁵¹.

Благодаря этому в последнее десятилетие и компаративная история переживает «второе рождение», новый «смысловой сдвиг», сопровождаемый переопределением исследовательских задач и базовых принципов. В современной историографии внимание к историческому контексту одерживает верх над влиянием обобщающих теорий. В «интерактивной компаративной истории» мы наблюдаем переход от каузального объяснения к контекстуальному⁵². «Новая компаративная история» (в своих разных версиях) преодолевает границы априорно устанавливаем-

---

⁴⁹ По лаконичному определению Дж. Фредриксона, традиция компаративной истории состоит в «выделении решающих факторов или независимых переменных, которые объясняют национальные различия» (Fredrickson G.M. From Exceptionalism to Variability: Recent Developments in Cross-National Comparative History // Journal of American History. 1995. Vol. 82. № 2. P. 587). Можно вспомнить, как восемьдесят лет тому назад, обосновывая возможности сравнительного метода на Международном конгрессе по историческим наукам в Осло, Марк Блок говорил о том, что название «сравнительная история» закрепилось «почти исключительно за сличением явлений, существовавших по разные стороны государственной или национальной границы» (см.: Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории — 2001. М., 2001. С. 66).

⁵⁰ См.: Werner M., Zimmermann B. Penser l'histoire croisée: entre empirie et réflexivité // Annales (HSS). 2003. A. 58. № 1. P. 7—36; De la comparaison à l'histoire croisée / Sous la dir. de M. Werner et B. Zimmermann. Paris, 2004; Werner M., Zimmermann B. Beyond comparison: histoire croisée and the challenge of reflexivity // History and Theory. 2006. Vol. 45. № 1. P. 30—50. См. также: Le travail et la nation: Histoire croisée de la France et de l'Allemagne / Ed. by B. Zimmermann, C. Didry, P. Wagner. Paris, 1999.

⁵¹ См.: The Making of the Modern World: Connected Histories, Divergent Paths (1500 to the Present / Ed. by R.W. Strayer. N.Y., 1989; Unraveling Ties: From Social Cohesion to New Practices of Connectedness / Ed. by Yehuda Elkana et al. Frankfurt, 2002.

⁵² Cohen, Deborah. Comparative History: Buyer Beware // Bulletin of the German Historical Institute. 2001. № 29. P. 30). См. также: Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective / Ed. by D. Cohen, M. O'Connor. N.Y.; London, 2004.

мых национальных, региональных и даже локальных контекстов, сосредоточивает внимание на существующих множественных взаимосвязях, взаимодействиях и взаимовлияниях между сравниваемыми объектами и их культурно-историческими горизонтами, нередко используя для концептуализации изучаемых явлений понятие «культурного переноса/трансферта» (отсюда — *histoire des transferts*)⁵³ и выявляя его медиаторов. Между тем два подхода («синхронический» и «диахронический»), сравнительная история отдельных обществ, «история трансфертов» и «перекрестная» (в иных версиях — «межнациональная», «транснациональная», или «кросс-национальная»⁵⁴) история не только не замещают и не исключают друг друга⁵⁵, но могут с успехом применяться как взаимодополнительные.

4. Региональная и локальная история

Радикальное разрастание экономических связей и системы массовых коммуникаций в современном мире существенно расширило платформу взаимодействия между его разными частями, в том числе в форме конфликтов, не укладывающихся в привычную модель противостояния национальных государств. Отступление парадигмы национальной истории с доминирующих позиций, которые она занимала с XIX столетия, инициировало коренную перестройку статусной иерархии исторических дисциплин⁵⁶. Процессы регионализации, проявляющиеся в интеграции локальных сообществ в более широкие территориальные комплексы,

⁵³ *Espagne M.* Les transferts culturels franco-allemands. Paris, 1999.

⁵⁴ См., например: *Kocka J., Haupt H.-G.* Geschichte und Vergleich: Ansätze und Ergebnisse international vergleichender Geschichtsschreibung. Frankfurt-am-Main, 1996; *Thelen D.* The Nation and Beyond. Transnational Perspectives on United States History // *Journal of American History* (The Nation and Beyond. Transnational Perspectives on United States History. A Special Issue). 1999. Vol. 86. № 3. P. 965—975; *Iriye A.* Internationalizing International History // *Rethinking American History in a Global Age* / Ed. by P. Bender. Berkeley, 2002. P. 47—62; *Miller M.* Comparative and Cross-National History: Approaches, Differences, Problems // *Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective*. P. 133—144; *Haupt H.-G.* Historische Komparatistik in der internationalen Geschichtsschreibung // *Transnationale Geschichte*. Themen, Tendenzen und Theorien. Göttingen, 2006. S. 137—149.

⁵⁵ Рассуждения (хотя и несколько прямолинейные) о совместимости компаративной и «перекрестной» истории см., в частности: *Kocka J.* Comparison and Beyond // *History and Theory*. 2003. Vol. 42. № 1. P. 39—44.

⁵⁶ См., в частности: *Wallerstein E.* Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms. Cambridge, 1995.

при сохранении культурных различий в рамках этих территориальных образований и между ними, привели к актуализации и росту трансдисциплинарных региональных исследований. На рубеже XX—XXI веков региональная история решительно размежевывается с историей национальной (как и межнациональной), в одних своих версиях смыкаясь с локальной историей, в других — дистанцируясь от нее.

Противоречивые дефиниции региональной истории отражают имеющиеся различия в трактовках понятия региона. Эти различия проявляются в отношении их пространственных масштабов — согласно различным схемам организации географического пространства или дифференциации исследуемых регионов на внутригосударственные и надгосударственные, а также в критериях их выделения на основе общего набора содержательных характеристик. Регионы и сегодня нередко определяются историками по территориально-административным границам и номинируются по названиям соответствующих округов или исторических областей, причем обычно ретроспективно используются нынешние границы, без учета их подвижности и изменчивой конфигурации. Более осмысленная и продвинутая исследовательская модель опирается на комплекс природных, экономических, культурных и других признаков, который может объединять несколько округов или существовать внутри одного из них, но все же представлять собой некую культурно-хозяйственную целостность на основе общих представлений, образа жизни, исторических традиций, независимо от современных административных границ.

Поскольку ни сугубо географические, ни административные таксономические единицы территориального членения не могут сегодня служить опорой теоретического «регионостроительства», историографические споры вокруг дефиниций остаются малопродуктивными. Найти какой-то безусловно нейтральный термин невозможно в силу историко-культурной «привязанности» всех понятий, имеющих хождение в мировой и отечественной историографии. И термин «регион/региональный» можно признать наиболее нейтральным из всех возможных. Он вполне правомерно стал практически общепринятым в международном научном сообществе, так как дает возможность обозначить отличие научного подхода к изучению прошлого, обозначаемого данным термином, от подходов, традиционных для соответствующих национальных традиций историописания — например, «истории области» в России, «истории земли» в Германии, «истории графства» в Англии, «истории провинции» во Франции (провинции в административно-территориальном значении, а не в значении периферии), — оставив эти последние для

обозначения объектов конкретных историко-историографических исследований⁵⁷.

Региональная история сегодня рассматривается в двух зачастую не-соизмеримых культурных контекстах, имеющих разную идейную ориентацию: с одной стороны, как способ мобилизации исторической памяти, а с другой — как инструмент научно-исторического познания, отражающий современное состояние исторической науки, мировую историографическую практику, в которой находят применение теории, методы и концепции смежных дисциплин — к примеру, концепции «ментального пространства» и «воображаемых сообществ»⁵⁸.

Первая ипостась региональной истории ярко воплощается в краеведении или так называемой «истории родного края», которая составляет региональный компонент национально ориентированного школьного образования. М.Ф. Румянцева, размышляя о причинах актуализации краеведения, справедливо отмечает поощрение его властями как идеологического средства государственного и национального утверждения. Представляя краеведение и новую локальную историю «как два оппонирующих типа локальных/региональных исследований — интравертный и экстравертный соответственно», она подчеркивает «значение новой локальной истории как концептуальной основы преодоления ксенофобии и воспитания толерантного мировосприятия»⁵⁹. В той же плоскости рассматривается и весьма перспективная «история пограничных областей», которая развивается в контексте новой локальной и культурной истории. Однако, если в политических и этических аргументах от-

⁵⁷ Образцом последнего может служить фундаментальный коллективный труд «Английские истории графств» (English County Histories. A Guide // Ed. by C.R.J. Currie, C.R. Elrington. Stroud, 1994), в котором представлен анализ особого рода исторических нарративов — всех так называемых «историй графств» (разных уровней — и графства как целого, и его округов, и выходящих за его пределы культурно-исторических областей), начиная с местных эрудитов XVI столетия (включая неопубликованные рукописи, завершённые и незавершённые, а также собранные антикварами коллекции документов и артефактов, предназначенных для создания истории графства или его частей, или отдельных местных общин) и до профессионалов конца XX века.

⁵⁸ Так, например, Д.В. Сень рассматривает формирование ментальных границ региона «Кубань» в составе Российской империи («присвоение и символическое освоение») как «пример воображаемого пространства, судьба которого теснейшим образом была связана с имперскими “войнами памяти”, необходимостью со стороны российского царизма управлять новыми окраинными землями». Сень Д. Воображаемая география в дискурсе империй: из истории «русификации» Причерноморья в конце XVIII века // Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 7. Київ, 2007. С. 346.

⁵⁹ Румянцева М.Ф. Новая локальная история и современное гуманитарное знание // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 272—273.

носительно значимости изучения пограничных зон, представляющих опыт (хотя и неоднозначный) совместного существования разных этнокультурных групп, для «воспитания в духе сотрудничества, синкретизма и интеграции» и «в интересах взаимопонимания»⁶⁰ недостатка нет, то научные основания и перспективы, которые открываются в *истории пограничья* (*borderland history*) и в *истории контактных зон*, до сих пор остаются слабо эксплицированными.

При высоком градусе терминологических споров до сих пор остается нерешенным вопрос о предметных и методологических различиях локальной и региональной истории и связанный с ним вопрос о последовательной трансформации наиболее актуальных концепций «новой локальной истории»⁶¹. Отсутствие в современной историографии четкого различения предметных полей локальной и региональной истории проявляется в их практическом отождествлении в учебных планах научно-образовательных центров. Показательна магистерская программа специализации по локальной и региональной истории (MA in Local and Regional History) Института исторических исследований Лондонского университета. Программа, в фокусе которой — история графств, состоит из трех частей: общие подходы к региональной истории; пространственно-временные определения регионов, миграция и этничность, экономика, политика и религия, культурная идентичность, внешние связи и влияния, причем вводный курс включает тему «Идентификация регионов». Вместе с тем одна из самых интересных программ по региональной истории — магистерская программа международного Центра региональной истории (Centre for Regional History) при Институте истории Северо-Восточной Англии (the North-East England History Institute) — предлагает более широкий подход к региональной истории, стимулируя ее изучение как в национальном, так и в межнациональном контекстах с применением компаративного анализа.

В плане концептуализации локальной и региональной истории передовые позиции принадлежат такому признанному авторитету, как Ч. Фитьян-Адамс. Его известная концепция локальной социальной исто-

⁶⁰ См., например: Коткин С. О краеведении и его методологии // Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара. СПб., 2000. С. 16—20.

⁶¹ О концепциях разных поколений представителей британской школы локальной истории см.: Фитьян-Адамс Ч. Англия Хоскинса: гений локальной истории // Диалог со временем: историки в меняющемся мире / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 1996; Репина Л.П. Новая локальная истории // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX—XX веках. Челябинск, 2003. С. 10—20.

рии⁶² постепенно, но неуклонно расширялась и трансформировалась: от его книги об отдельной городской общине через реконструкцию сельских сетей и взаимосвязей между городом и округой, и далее, через анализ развивающейся региональной идентичности в пограничных областях, к обобщающему труду, в котором исследуется эволюция провинциальной Англии как целого, с характерными для нее механизмами внутренней дифференциации, на историческом протяжении от Римской Британии до сегодняшнего дня, в широких контекстах всего Британского архипелага и континентальной Европы⁶³. Выявление локальных, межлокальных, региональных социальных сетей и содержания осуществляемых в них взаимодействий, включая выходы в межрегиональное и глобальное пространство, представляется одной из весьма востребованных возможностей региональной истории. «Опутывая» пространства разного уровня, эта флукутирующая сеть, в которой реализуется реальное многообразие социальных связей, формирует соединительную ткань социального целого.

Насколько правомерно в данном случае — в связи с заметным отходом «региональных» историков от перспективы национально-государственной истории — говорить об усилении «фрагментации» исторического знания⁶⁴? Это явление, скорее, характерно для исторических сочинений, занятых любительским или заказным продуцированием коллективной памяти и абсолютизирующих локальную (зачастую этнически детерминированную) перспективу в интересах конструирования локальных идентичностей (местного/этнического самосознания). Что касается собственно исторического знания, производимого на уровне научных исторических программ современной локальной и региональной истории, занимающих все более прочные позиции в мировой историографии, то здесь превалирует контекстуальное мышление, ориентация на компаративный анализ вариантов локально-регионального развития и изучение системы взаимосвязей как внутри микро- и мезо-социума, так и вне его.

Подобные принципы положены в основу концепции, разработанной ставропольскими и московскими историками научно-образовательного

---

⁶² Phythian-Adams Ch. *Re-thinking English Local History*. Leicester: Leicester University Press 1987, 1991.

⁶³ См., например: *Коткин С.* О краеведении и его методологии // Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара. СПб., 2000. С. 16—20.

⁶⁴ *Маловичко С.И.* Глокальная перспектива новой локальной истории // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 185.

центра «Новая локальная история». Эта концепция предполагает пристальное внимание к научно-методическому инструментарию и к контекстам локальной истории, понимание глобальной перспективы той или иной проблемы, опору на способность «*видеть целое*» прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать *контекстность*, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней», строить исследование «на признании глубокой взаимной детерминации “внешнего” и “внутреннего”»⁶⁵. В некоторых отношениях эта научная программа существенно развивает установившиеся в зарубежной историографии подходы. Так, чрезвычайно важным представляется обращение отечественных историков к отнюдь не тривиальным проблемам региональной истории — изучению интеллектуальной жизни региона и конкретных локальных сообществ на основе комплексного анализа локальных источников, в том числе местной периодики.

Региональная история сегодня стремительно развивается, ее теоретические основания и методы постоянно обогащаются на базе междисциплинарного и международного сотрудничества, преодолевающего как концептуально-терминологические барьеры, так и барьеры стран.

---

⁶⁵ *Булыгина Т.А., Маловичко С.И.* Новая локальная история: Новые исследовательские практики // Новая локальная история. Вып. 3. Ставрополь, 2006. С. 10.

Препринты ИГИТИ ГУ ВШЭ

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. Препринт WP6/2003/01. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Препринт WP6/2003/02. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
3. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. Препринт WP6/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. Андреев М.Л. Второе рождение нормативной поэтики. Препринт WP6/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. Самутина Н.В. Современное европейское кино и идея культуры («прошлого»). Препринт WP6/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
8. Никс Н.Н. «Велик и благороден труд профессора» (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX — начала XX вв.). Препринт WP6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
9. Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
10. Андреев М.Л. Формы прошлого в классической европейской литературе. Препринт WP6/2004/03. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
11. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем. Препринт WP6/2004/04. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
12. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/2004/05. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
13. Руткевич А.М. Психоанализ и доктрина «исторической памяти». Препринт WP6/2004/06. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
14. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
15. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. Препринт WP6/2005/01. М.: ГУ ВШЭ.

16. Капелюшников Р.И. Деконструируя Поланьи (заметки на полях «Великой трансформации»). Препринт WP6/2005/02. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
17. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века. Препринт WP6/2005/03. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
18. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и социальные науки. Препринт WP6/2005/04. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
19. Зарецкий Ю.П. История европейского индивида: от Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта. Препринт WP6/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
20. Фрумкина Р.М. Культурно-историческая психология Выготского — Лурия. Препринт WP6/2006/01. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
21. Полетаев А.В. Валовой внутренний продукт Российской Федерации в сопоставлении с Соединенными Штатами, 1960—2004 гг. Препринт WP6/2006/02. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
22. Руткевич А.М. Прошлое историка. Препринт WP6/2006/03. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
23. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знают ли американцы историю? Ч. 1. Препринт WP6/2006/04. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
24. Вахштайн В.С. «Неудобная классика» социологии XX века: творческое наследие Ирвинга Гофмана. Препринт WP6/2006/05. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
25. Савельева И.М., Полетаев А.П. Знают ли американцы историю? Ч. 2. Препринт WP6/2006/06. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
26. Зарецкий Ю.П. Зачем писать это? (Послание римского папы турецкому султану). Препринт WP6/2006/07. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
27. Самутина Н.В. Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино. Препринт WP6/2007/01. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
28. Руткевич А.М. Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции». Препринт WP6/2007/02. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
29. Юревич А.В. Психология революций. Препринт WP6/2007/03. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
30. Каменский А.Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы. Препринт WP6/2007/04. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
31. Самутина Н.В. «Cult Camp Classics»: специфика нормативности и стратегии зрительского восприятия в кинематографе. Препринт WP6/2008/01. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

32. Свешников А.В., Степанов Б.Е. Исторические альманахи «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем»: поиски моделей научной коммуникации. Препринт WP6/2008/02. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

33. Андреев М.Л. Никколо Макьявелли в культуре Возрождения. Препринт WP6/2008/03. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

34. Вишленкова Е.А. Визуальная антропология империи, или «увидеть русского дано не каждому». Препринт WP6/2008/04. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

35. Полетаев А.В. Присутствие и отсутствие России в мировой экономической науке. Препринт WP6/2008/05. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

*Препринт WP6/2008/06
Серия WP6
Гуманитарные исследования*

Л.П. Репина

Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии

Выпускающий редактор *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Отпечатано в типографии ГУ ВШЭ с представленного оригинал-макета.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,01.
Усл. печ. л. 1,86. Заказ № . Изд. № 883.

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73

Для заметок
